

О. Г. АГЕЕВА

ИМПЕРАТОРСКИЙ
ДВОР РОССИИ
ЭПОХИ ПАВЛА I

УДК 94(47)"1796/1801":394.012
ББК 63.3(2)47
А23

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной
целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Утверждено к печати Ученым советом
Института российской истории РАН

Рецензенты:

д. и. н. Аксенов А. И., главный научный сотрудник ИРИ РАН
д. и. н. Демкин А. В., ведущий научный сотрудник ИРИ РАН

Агеева О. Г.
А23 Императорский двор России эпохи Павла I. — М.: Фонд «Связь Эпох», 2018. —
440 с.: 8 л. ил.
ISBN 978-5-9907285-6-1

Монография посвящена истории императорского двора России в период правления одного из самых противоречивых монархов — Павла I. Продержавшись на троне чуть более четырех лет, сын Екатерины Великой успел провести ряд преобразований, одним из которых была реформа императорского двора. Книга представляет собой первое исследование нового штата двора, принятого в 1796 г., истории его введения в жизнь, учреждения нового финансирования императорской фамилии, а также обзор персонального состава придворных чинов, кавалеров и дам. В книге всесторонне освещена официальная придворная жизнь павловского времени, что позволило выявить ее стремительную эволюцию, показать особенности вкусов императора и стиля его общения с русской элитой, собиравшейся в стенах императорских резиденций.

УДК 94(47)"1796/1801":394.012
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9907285-6-1
Тираж 1000 экз.

© Агеева О. Г., текст, 2018
© Фонд «Связь Эпох», макет,
издание, 2018

Оглавление

Введение	9
Глава I. Императорская фамилия	
Состав правящего дома России в конце XVIII — начале XIX века	14
Романовы. Междинастические связи	
Новое законодательство императорского дома ...	19
Акт о престолонаследии.	
Учреждение об императорской фамилии.	
Новшества титулатуры и геральдики дома Романовых	
Глава II. Образ жизни императорского дома	
Павел и дворцовое пространство	34
Петербургское окружение. Система императорских дворцов. Внутреннее пространство Зимнего дворца.	
Михайловский замок. Петербургские дворцы: Таврический, Мраморный, Каменноостровский. Загородные резиденции. Дворцы членов правящего дома. Московские дворцы. Порядок смены резиденций	
Высочайшие особы в делах и повседневной жизни	66
Распорядок дня Павла I. Повседневные занятия высочайшей фамилии	

Глава III. Павловская реформа дворцового ведомства	
Первые месяцы правления	86
Законотворчество Павла I и екатерининский двор конца XVIII века. 1796 год: первые кадровые изменения. Увольнение лиц двора Екатерины II	
Штат двора 1796 года	95
Принятие нового штата. Большой двор по штату 1796 года. Штаты малых дворов. «Экономный» штат 1796 года и его задачи	
Павловский штат в жизни	121
Придворная контора после реформы. Ведения, команды и чины после введения штата в жизнь	
Малые дворы	143
Система малых дворов и новое законодательство. Формирование малых дворов совершеннолетних Романовых по новому штату. Двор Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны. Штат двора великой княжны Александры Павловны. Детские дворы	
Кабинет его императорского величества	155
Новая система финансирования двора.	
Департамент уделов	159
Первые указы 1796 года. Установление выплат по Учреждению об императорской фамилии. Департамент уделов. Уделы	
Глава IV. Высшие придворные чины	
Придворные кавалеры	170
Понятия «главные чины», «придворные кавалеры и дамы». Обер-гофмаршал и гофмаршал. Обер-камергер. Обер-шенк. Обер-гофмейстер и гофмейстер.	

Обер-шталмейстер и шталмейстер. Обер-егермейстер и егермейстер. Обер-церемониймейстер и церемониймейстер. Директор императорских театров. Камергеры и камер-юнкеры	
Высшие дамские чины	187
Первые чины малых дворов	190
Главы Кабинета его императорского величества	193
Высшие чины Департамента уделов	195

Глава V. Придворная служба	
Состав команд и кадровая политика	199
Правила службы	212
Поступление на службу. Материальное обеспечение, награды, отпуска. Поощрения и наказания. Увольнение	

Глава VI. Светлые и печальные торжества дома Романовых	
Протокольная придворная жизнь	222
Служба придворного человека. Придворное общение	
Коронация Павла I	226
Церемониал. Время торжеств. Церемониальная сторона празднества	
Высочайшие бракосочетания	242
Правила браков Романовых. Обручение великих княжон. Бракосочетания Александры Павловны и Елены Павловны	
Крещение детей императорского дома	256
Рождение великого князя Михаила Павловича. Рождение великой княжны Марии Александровны	
Печальные церемонии	265
Погребение Екатерины II и Петра III. Погребение великой княжны Марии Александровны. Траур и поминальные обряды	

Глава VII. Павел I и метаморфозы официальной жизни	
Император настроений	287
Табельные светские праздники	290
Ежегодные царские праздники.	
Праздники русских орденов.	
Мальтийские ежегодные торжества.	
Орденские праздники в 1800 году	
Веселье по протоколу.	306
Традиционная система регулярных увеселений. Куртаги. Балы.	
Маскарады. Концерты. Театр	
События придворной жизни: крещения, свадьбы, представления, приемы	320
Высочайшее восприемничество при крещении младенцев.	
Придворные свадьбы.	
Представления. Приемы	
Торжества рыцаря на троне	334
Церемонии строительства Михайловского замка. Празднества и церемонии кампании 1799 года.	
Церемонии Мальтийского ордена	
Европейская элита при петербургском дворе . . .	352
В гостях у императорского дома.	
Жизнь и смерть короля Станислава I Августа	
Религиозная жизнь двора	356
Табельные православные праздники.	
Новшества в обрядах, постах, пантеоне святых и праздничном календаре.	
Высочайшие поездки в монастыри.	
Почитание мальтийских святынь.	
Духовенство при императорском дворе	
Заключение	374
Примечания.	384
Именной указатель	424
Список сокращений	439

Введение

Краткое правление императора Павла I, пришедшееся на ноябрь 1796 — март 1801 г., стало особым периодом в истории императорского двора России. Подобно тому, как проводились реформы государственных учреждений, армии, административно-территориального устройства страны, преобразованию подвергся и императорский двор. Однако в исторической литературе эта сторона государственной деятельности Павла I освещена недостаточно. Пробел в определенной степени восполняют сведения о создании одного из дворцовых учреждений — Департамента уделов¹, а также о некоторых событиях и мероприятиях придворной жизни, например, возведении Михайловского замка или мальтийских торжествах. При этом даже беглого взгляда достаточно, чтобы сказать, что изменения в структуре двора и в его официальной жизни были значительны и что колоссальное влияние на них оказала личность самого правителя. «Каков поп, таков и приход», — гласит пословица. Эта народная мудрость справедлива и для придворной политики, ибо здесь, в стенах дворца, глава государства, и он же глава придворного общества и императорского дома, мог свободно проводить любые эксперименты, меняя по своей прихоти ближайшее окружение, его быт и образ жизни.

К моменту вступления на престол сына Екатерины Великой русский двор имел уже давно сформированные на европейский манер структуру и церемониальные формы жизни. В целом они позволяли успешно справляться с главным предназначением двора — созданием благоприятной среды для государственной деятельности и жизни правителя Российской империи и обеспечением его общения с чиновной элитой страны. В то же время петербургский двор рассматриваемого периода нес в себе не только достижения предшествующего столетия, но и накопившиеся проблемы, не решенные при Елизавете Петровне, Петре III и Екатерине Великой. С середины века двор имел

хронические финансовые трудности и неудобную, тяжелую в управлении структуру, включающую несколько самостоятельных ведомств. В силу этого к концу XVIII в. он стоял на пороге решительных изменений. И хотя последовали они только четверть века спустя, когда Николай I в 1826 г. создал Министерство императорского двора, многое из того, что делал Павел, являлось реакцией на эти проблемы. Отсюда задача — выявить и показать, как в ходе преобразований Павел пытался решить старые наболевшие вопросы и каким был итог его действий. Из всего многообразия тем для рассмотрения были выбраны ключевые сюжеты, которые не нашли должного освещения в литературе или, обладая хорошей архивной базой, не изучались вовсе.

Открывает изучение павловских придворных новаций рассмотрение состояния императорского дома Романовых на рубеже XVIII–XIX вв., ознаменовавшегося введением Павлом нового законодательства об императорской фамилии, а также ее образа жизни и дворцовой среды.

Что касается организации двора, то исключительно важным представлялось описать павловское законодательство по изменению структуры императорского двора и, прежде всего, придворный штат 1796 г., являвшийся ключевым нормативным документом, установившим новое соотношение подразделений двора, новую лестницу чинов и служителей двора, их численность и оклады. Другой не менее важный вопрос, связанный с дворцовым штатом, — его реализация на практике, а значит, выявление того, как и когда преобразовывался двор в соответствии с утвержденным монархом документом и как менялся в дальнейшем. Выяснение этого позволит оценить эффективность задуманных сыном Екатерины Великой реформ, степень адекватности предпринятых императором действий решению проблем реальной жизни. При этом имеет значение и рассмотрение состояния дворцовых учреждений, не затронутых штатом 1796 г.: это Императорский кабинет и созданное Павлом Удельное ведомство. Наконец, дополняет характеристику двора обзор биографических данных его первых лиц, а также исследование условий придворной службы, в том числе социальной поддержки чинов и служителей.

Последний блок тем по реформированию двора посвящен политике Павла I относительно официальной придворной жизни и включает две главы. В первой скрупулезно описываются главные семейно-государственные торжества и печальные мероприятия дома Романовых — павловская коронация 1797 г., свадьбы дочерей императора, рождение высочайших детей, печальные торжества 1796 г. и правила ношения траура.

Во второй главе рассматривается целая серия разнообразных торжественных событий официальной жизни двора, которые объединяет только то, что все они были обставлены церемониями и этикетными правилами. Это — система ежегодных праздников, регулярные увеселения двора, разовые торже-

ства, показывающие пристрастия Павла к строительству нового Михайловского замка и Мальтийскому ордену, правила приема высоких гостей, аудиенций и представлений, а также православная религиозность двора.

При изучении этих тем ставились задачи показать роль Павла в корректировке протокольной жизни двора, его обращение с церемониальным наследием предшественников на троне и затронуть социально-психологическую подоплеку использования той или иной формы собраний.

При рассмотрении истории двора, разумеется, необходимо остановиться на определениях и терминах той эпохи. Определение двора тяготеет к двум ипостасям, или вариантам, в которых отражаются две его функции. Двор — это, во-первых, собрание лиц, посещающих императорский дворец для контактов с правящей фамилией и представляющих общество, которым монарх правит. Во-вторых, двор — это структуры дворцового ведомства и служащие в нем люди, являвшиеся в периоды монархической власти обязательным звеном в организации государственного аппарата.

Термины «двор», «придворные служители», «придворный штат» в исторической литературе имеют разнообразное смысловое значение². На наш взгляд, понятие «двор» можно охарактеризовать следующим образом. Двор — это один из социальных институтов, соответствующий монархической форме правления, выполняющий ряд общественно значимых функций государственного и частного характера — политических, экономических, представительских, управленческих и иных, связанных с государственной деятельностью и жизнью персоны монарха; представляющие данный институт лица относятся к верхушке социальной лестницы государства и общества, имеют в связи с пребыванием при дворе закрепленные служебные обязанности, формы общения, времяпрепровождения и быта. В XVIII в., как и ранее, слово «двор» являлось синонимом правительства страны и ее государственного аппарата, хотя в это время шел процесс отделения двора государей от государства, характеризующийся разделением финансов и отделением придворных чинов от военных и статских. Кроме этого, в источниках рубежа XVIII–XIX вв. двором называли не только всю совокупность чинов придворных учреждений, но и одну из структур, подчиненную обер-гофмаршалу — Придворную контору, а также большой двор, рядом с которым были малые дворы наследника, дочерей императора и др. Все это будет учитываться в работе.

С точки зрения относящихся к двору лиц, понятие «двор» в широком смысле подразумевало «придворное общество», всех тех, кто был обязан по своему положению в обществе присутствовать на придворных мероприятиях, разумеется, включая высших чинов, которые имели «вход за кавалергарды» и являлись к императору в служебных целях. В другом, более узком смысле двор составляли чины и служащие придворного ведомства, входившие в «дом» его

величества. Из числа последних будет уделено внимание прежде всего чинам, служившим в центральных ведомствах двора, например, в Придворной конторе. Что касается термина «половина», то в правление Павла I первой половиной именовался двор Павла I и Марии Федоровны, второй — двор цесаревича Александра (будущего Александра I), а третьей — общий детский двор.

Основой исследования стали архивные документы, не введенные в научный оборот. Они были извлечены из фондов Российского государственного исторического архива (Ф. 466, 468, 469, 473 и др.) и Российского государственного архива древних актов (Ф. 2, 14, 248, 381, 1239 и др.). При этом привлекались документы из фондов Сената, Придворной конторы, Церемониальной части, Департамента уделов и других. Дела этих фондов содержат подборки высочайших указов по двору, нормативные и делопроизводственные документы Придворной конторы, Придворной конюшенной конторы, Обер-егермейстерского ведомства, Императорского кабинета и удельного ведомства, в том числе списки подразделений двора, переписку их глав и другие. Особой ценностью отличаются журналы Церемониальной части, документы церемониальных комиссий по подготовке празднеств и погребений Романовых, мальтийских и прочих торжеств. В настоящее время в научный оборот введена только незначительная часть содержащегося в них обширного фактического материала.

Разумеется, при написании работы были использованы печатные издания XVIII — начала XIX вв., например, «Придворные месяцесловы» на 1798 и 1799 гг. (СПб., [1797], 1897; [1798], 1898), «Месяцеслов... на лето от Рождества Христова 1796» (СПб., [1795]), описание коронации Павла I (Чин действия, каким образом совершилось всевысочайшее е. и. в. коронование. По церковному чиноположению. [б. м.], 1797) и др. Также привлекались следующие публикации: «Полное собрание законов Российской империи» (Собр. 1-е. Т. 24–26; Т. 44. Ч. 2. СПб., 1830), приказы при пароле («Копии с высочайших его императорского величества приказов, отданных при пароле... 1796 года. СПб., 1797; 2012), «Камер-фурьерские журналы» за 1796–1801 гг. (СПб., 1896–1901).

Заметить необычные детали придворной жизни, увидеть характеры и поведение монарха и известных лиц позволили письма, дневники и воспоминания, вышедшие из-под пера В. Н. Головиной, А. Т. Болотова, А. Чарторыйского, Ф. Г. Головкина, Е. Ф. Комаровского, И. М. Долгорукова, Николая I, А. С. Шишкова, С. А. Понятовского, Ф. П. Лубяновского, К. Г. Гейкинга, С. Богуша Сестренцевича и других мемуаристов.

Что касается историографии вопросов, то продолжают сохранять значение дореволюционные работы, которые посвящены двору и окружению монархов, — труды Н. Е. Волкова, П. Ф. Карабанова, В. В. Квадри, статьи «Русского биографического словаря», работы Д. Н. Бантыш-Каменского, великого князя

Николая Михайловича Романова, впервые изданный недавно «Словарь русских сенаторов» Н. А. Мурзанова³ и др. Ценную информацию содержат капитальные биографические издания, например, Н. К. Шильдера, Е. С. Шумигорского, книга М. В. Клочкова, представляющая самое серьезное исследование реформаторской деятельности Павла I⁴, работы по истории Императорского кабинета и Департамента уделов⁵ и др.

Среди научной литературы последнего времени необходимо отметить информативные работы по истории организации двора, императорской фамилии, чинов и службы И. И. Несмеяновой, А. М. Пескова, А. М. Даниловой, А. В. Манько, В. И. Федорченко и других авторов⁶. Внимания заслуживают посвященные Павлу I материалы альбомов выставок⁷. Достаточно большой объем литературы имеется по истории императорских дворцов⁸ и придворных церемониалов. Среди последних следует упомянуть труды Н. А. Огарковой, С. А. Амелёхиной, серию работ А. В. Скоробогатова, труд Р. С. Уортмана, юбилейный каталог «Венчания на царство и коронации в Московском Кремле»⁹ и др. Наконец, исключительную популярность обрели исследования по истории Мальтийского ордена в России¹⁰.

Глава I. Императорская фамилия

Состав правящего дома России в конце XVIII — начале XIX века

РОМАНОВЫ. 6 ноября 1796 г. в России сменилась власть. После 36 часов пребывания в беспмятстве в 9 часов 45 минут вечера скончалась императрица Екатерина II. На престол вступил ее единственный законный сын Павел. По существующему законодательству о престолонаследии правящая императрица могла назначить преемником любого члена своей семьи, однако обществу было известно, что еще 26 декабря 1762 г. наследником был объявлен Павел и иного назначения преемника не было. В свете, правда, говорили, что императрица собиралась обойти неспособного к правлению цесаревича в пользу любимого внука Александра, что 1 января 1797 г. якобы предполагалось обнародовать манифест о новом наследнике и что хранителем ее воли был назначен первый секретарь граф А. А. Безбородко. Однако новое завещание, если таковое имелось, публично оглашено не было (по одной из версий, завещание существовало и было зачитано на Государственном совете, который, однако, высказался в пользу Павла¹). Поэтому восшествие на престол Павла никто не оспорил, и высшие государственные чины, включая двор и военных, прибыв в связи с ударом императрицы во дворец, безотлагательно начали приносить присягу цесаревичу. Что же касается современников, то они отметили мирный характер смены власти, что восшествие «на престол законного наследника» прошло без «оспаривания», «не обагрено было ни кровью, ни ознаменовано жестокостью, и произошло мирно, тихо с сохранением всего народного спокойствия»². Так или иначе, но в ноябре 1796 г. без «помешательства» и смуты во главе страны оказался прямой наследник, цесаревич Павел Петрович, а теперь император Павел I.

Абсолютная монархия, а именно такой вид власти имел место в России рубежа XVIII–XIX вв., обусловила особое положение в русском обществе монарха и всего правящего дома. К ноябрю 1796 г. августейшая фамилия Романовых занимала русский трон без малого двести лет. Новый император Павел I Петрович (1754–1801) был представителем 6-го поколения Романовых, считая с первого царя Михаила Федоровича (1596–1645), и являлся правнуком Петра Великого (1672–1725). Во главе Русского государства он находился четыре года и четыре месяца, с 6 ноября 1796 г. по 11 марта 1801 г.

В момент вступления Павла I на престол царственная семья состояла из двух поколений и насчитывала 12 человек. Старшее представлял сам император 42 лет от роду и его 37-летняя супруга-императрица Мария Федоровна (1759–1828). Младшее — трое их сыновей и пять дочерей.

Сыновья — это 18-летний великий князь Александр Павлович (1777–1825), ставший теперь наследником с титулом цесаревича, 17-летний великий князь Константин Павлович (1779–1831) и еще младенец Николай Павлович (1796–1855). Дочери — великие княжны юные Александра (1783–1801), Елена (1784–1803), Мария (1786–1859), Екатерина (1788–1818) и полутораговая Анна Павловна (1795–1865). Еще одна, шестая дочь императорской четы Ольга Павловна (1792–1795), родившаяся в правление Екатерины II, умерла в младенчестве. К ноябрю 1796 г. старшие сыновья Александр и Константин Павловичи, несмотря на молодость, были женаты. Их супруги, немецкие принцессы, в православии приняли имена Елизаветы Алексеевны (1779–1826) и Анны Федоровны (1781–1860). В период пребывания на троне у правящей четы родился младший сын Михаил (1798–1849), и на короткий период появилось третье поколение августейшей фамилии — внучка императора великая княжна Мария Александровна (1799–1800), родившаяся в семье цесаревича и скончавшаяся в младенчестве.

Вопрос многочисленности и наличия детей был крайне важен для правящего дома, так как именно это обеспечивало возможные «запасные» кандидатуры на престол. Ведь одной из ключевых общественно значимых функций высочайшей семьи как государственного института было воспроизводство нового главы государства, что обеспечивало стабильность, непрерывность пребывания фамилии на троне, а значит, и социальное спокойствие в стране.

В этом плане в правление Павла I Романовы были благополучны относительно практически всего XVIII в., ибо в уходящем столетии не раз бывали тревожные для царской фамилии периоды. В эти периоды,

при отсутствии наследников мужского пола, претендовать на престол могли только дамы или малолетние лица боковой ветви рода. Достаточно вспомнить смерть объявленного наследником 4-летнего Петра Петровича (1715–1719) или кончину в 15 лет императора Петра II (1715–1730). Следствием династического кризиса начала XVIII в., вызванного отсутствием наследника-царевича у Петра Великого, стало изменение им закона о наследовании престола. По новому установлению 1722 г. правящее лицо единолично назначало своим преемником любого члена высочайшей фамилии независимо от пола, возраста и дальности родства³. В уходящем веке это петровское законодательство помогло преодолеть династические кризисы, преследовавшие Романовых в начале правления Анны Иоанновны (тогда несколько лет династия была представлена только двумя незамужними женщинами и девочкой-подростком), в начале правления Елизаветы Петровны (когда брак наследника почти десять лет был бездетен) и начале правления Екатерины II, когда семья Романовых 11 лет состояла только из самой императрицы и ее единственного наследника-ребенка Павла. Вызывало тревогу правящих особ и то, что сначала за границей подрастал маленький внук Петра Великого, на три четверти иноземец, герцог Карл Петр Голштейн-Готторпский (будущий Петр III), а затем в самой России жили в заключении потомки свергнутой правительницы Анны Леопольдовны (1718–1746). Будучи законными наследниками престола, они наполняли кошмарами сны Елизаветы, хотя было ясно, что полуодичавший от пребывания с младенчества в заключении император Иоанн Антонович (1740–1764) мог стать только знаменем в борьбе за трон группировок знати, но не более, так как править он был не способен. Немногим отличались от него и четверо других детей несчастной правительницы Анны, до почтенных лет жившие за тюремным холмогорским забором.

И вот в конце века династия стала благополучна. Плодовитая супруга Павла Петровича, примерная жена и мать Мария Федоровна произвела на свет десять сыновей и дочерей, обеспечив «кадрами» русский престол на полвека вперед. Девять из ее детей достигли взрослых лет, а двое сыновей, Александр и Николай, стали императорами и один за другим правили с 1801 до 1855 г. Кроме этого, в конце века сошла на нет угроза стабильности трону от лиц боковой ветви Романовых. Потомки царя Ивана Алексеевича опасности уже не представляли. И хотя двое из детей правительницы Анны Леопольдовны, отпущенных в Данию в 80-е гг., были еще живы⁴, игроками в борьбе за престол они не являлись. К тому же в 1798 г. Петр Антонович и в 1807 г., уже при Александре I, старшая Екатерина Антоновна тихо скончались, не оставив потомства.

МЕЖДИНАСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ. Благополучным в конце века дом Романовых был и в плане его пребывания в европейской венценосной элите. Замутненная в начале века браком Петра I с низкородной иноземкой Мартой Скавронской (Екатериной Алексеевной) честь Романовых под сомнение давно не ставилась. Жажда близости к трону обширного Российского государства заслонила петровский «сбой» в брачной политике. С 1720-х гг. с лицами русского правящего дома вступали в междинастические союзы представители старых княжеских домов Европы, и это решило вопрос чистоты голубой крови.

Сами Романовы строго следовали правилу, по которому официальные браки заключались только с лицами европейской правящей элиты. Мезальянсы, то есть браки императриц Елизаветы с А. Г. Разумовским и Екатерины II с Г. А. Потемкиным, публичными не являлись, как не предавалось огласке и появление в них детей. Последнее в конце века вообще стало столь «безобидно» для престола, что Павел I по-родственному опекал своего сводного брата А. Г. Бобринского (сына Г. Г. Орлова), подарив ему имения и титул.

В итоге междинастические браки, к которым правящая русская династия вернулась в начале XVIII в., прочно связали ее со многими европейскими домами. В правление Павла I родственные связи с ними выглядели следующим образом. Сам император Павел I по отцу состоял в родстве с Голштейн-Готторпским и шведским королевским домами, по матери — с немецкими Ангальт-Цербским и Шлезвиг-Голштинским. Великая княгиня и императрица Мария Федоровна, до принятия православия Доротея София Августа Луиза, была принцессой Вюртембергской и по матери была связана с Бранденбург-Шведтским и прусским королевским домами, а по более дальнему родству и с курляндским. Супруга цесаревича Александра Павловича, великая княгиня Елизавета Алексеевна, до принятия православия Луиза Мария Августа, являлась принцессой Баденской и по матери имела родственные связи с Гессен-Дармштадтским герцогством. Супруга великого князя Константина Павловича Анна Федоровна, в девичестве Юлия Генриетта Ульрика, была принцессой Саксен-Заальфельд-Кобургской, а по матери состояла в родстве с графами Рейс-Эберсдорфскими и герцогами Брауншвейг-Вольфенбюттельскими.

И хотя, вступая в брак, немецкие принцессы писали официальный отказ от претензий на политические и имущественные права относительно своих прежних фамилий (в России это правило действовало с середины XVIII в.)⁵, кровные связи были для великих княгинь живыми, что при возможности выражалось не только в переписке,

представлявшей собой обмен информацией о важнейших событиях жизни владетельных домов, выделении пенсионеров и пожаловании орденов немецким родственникам, но и в посещении ими России и длительном гостевании при русском дворе.

Все браки, заключенные Романовыми в середине и конце XVIII в., соответствовали нормам чести европейских правящих домов, круг которых был совершенно определенным. Краткие или полные именные списки особ европейской голубой крови от младенцев до преклонных лет вдовствующих особ регулярно публиковались в России с 1730-х гг. (их печатали «Придворные календари» или «Придворные месяцесловы», «Месяцесловы»). В правление Павла I, по «Придворному календарю на 1799 год», краткий список европейских правителей с супругами и наследниками включал 155 лиц, которые относились к 59 правящим домам (исключая лиц, занимавших два престола)⁶. При этом относительно Романовых и их европейских родственников в этом «родословном показании» был прописан полный состав фамилий. Русский императорский дом в это время состоял из 13 человек. Дом родственников Марии Федоровны — Вюртемберг-Штутгартский — включал 19 членов от 2 до 45 лет. Фамилия супруги наследника великой княгини Елизаветы Алексеевны, дом Баден-Бурлах и Баден-Баден, — 14 родственников от 4 до 72 лет, а фамилия великой княгини Анны Федоровны, дом Саксен-Заальфельд-Кобургский, — 12 особ от 11 до 75 лет⁷. Полный же перечень всех членов правящих домов Европы был куда больше. По данным «Месяцеслова» на 1776 г., он включал более 500 человек «ныне здравствующих и владеющих в Европе», относившихся к 67 домам (исключая совмещенные с ними 27 домов)⁸.

Таким образом, Романовы, как и их подданные, через публикации списков владетельных фамилий имели возможность видеть весь круг особ правящей европейской элиты и хорошо осознавали свое положение в нем. Существовало множество форм, фиксировавших принадлежность к правящему слою Европы, в том числе в области этикета и геральдики. К примеру, особым было обращение при переписке, в том числе известительной, о политических и «домашних» событиях — браках, рождении детей и смерти родственников. Павел I обращался в такого рода документах к французскому принцу Конде «мой кузин», к прусскому королю «мой брат», к шведскому — «мой брат и кузин», к неаполитанскому королю «мой дорогой брат и кузин» и т. д.⁹

Побочным следствием междинастических связей было стремительное онемечивание Романовых по крови. Уже Петр III, внук Петра Великого, был только на четверть русским, Павел I — только на $\frac{1}{8}$, а его

дети на $\frac{1}{16}$. Смешение русско-немецкой крови в Романовых могло как хорошо сочетаться с русским духом и русским самосознанием, отстаиванием интересов своей страны, так и порождать весьма неожиданные проявления европейского космополитизма. На протяжении XVIII в. это ярко проявилось, к примеру, в поведении цесаревны Анны Петровны, понявшей «всю мерзость своего народа», «голландца» Петра III, а с другой стороны, в характерах четко отстаивавших национальные интересы императриц Елизаветы Петровны и Екатерины Великой.

Двойственность была характерна и для воспитания и образования юных Романовых. В раннем детстве они имели русских и иностранных воспитателей, усваивали русский язык как родной и православную религию как обязательную для члена русского правящего дома, но при этом получали широкое европейское образование. Так, сам Павел четко знал правила, которых должен был придерживаться член его фамилии, и перечислил их в записке, адресованной юной невесте Марии Федоровне. Цесаревич Павел Петрович считал, что его супруга, принявшая православие, прежде всего должна «блюсти веру, то есть все, что относится к церковным обрядам», почитать ее величество (мать-императрицу) и далее, среди прочего, «уважать русский язык и другие знания касательно страны»¹⁰. Кроме этого, окружавшая детей жизнь двора, в котором доминировало русское общество, предполагала постоянную демонстрацию приверженности православной религии, являвшейся ключевым элементом национальной самоидентификации. Последнее, однако, не исключало того, что, по мнению одной из исследовательниц русского императорского двора, в XIX в. семья Романовых относилась к «космополитической» европейской аристократии, что накладывало отпечаток и на национальный состав и характер двора в целом: он был многонациональным¹¹.

Новое законодательство императорского дома

АКТ О ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИИ. Абсолютная власть русского монарха, обладавшего правом издавать законы, определявшие жизнь подданных, распоряжаться государственной казной и цепко державшего в своих руках все назначения высших чинов Российского государства, основывалась на давних традициях и взглядах общества на необходимость для России самодержавия, абсолютной монархической формы правления. Ее обязательным компонентом было и династическое

наследование престола. При этом правила жизни высочайшей фамилии были изложены в законодательстве только частично. Касались они формы наследования престола, титулатуры и еще некоторых сторон жизни Романовых. Важным этапом в законодательном прописывании правил жизни императорской фамилии стало правление Павла I.

Вступив на престол, сын Екатерины Великой предпринял ряд шагов к юридическому оформлению положения правящей фамилии.

Первое, что изменил Павел I, получив власть, был закон о наследовании трона. Старый, действовавший со времени Петра Великого, его явно не устраивал. Еще будучи цесаревичем, отстраненным по достижении совершеннолетия от вступления на трон собственной матерью, Павел обдумывал изменение правил наследования. Устав о наследии престола Петра I от 5 февраля 1722 г. отменил принятое в Московском государстве наследование трона исключительно по мужской линии¹². Принят он был в критической ситуации начала 1720-х гг., когда во второй семье монарха остались только супруга-императрица и три дочери-цесаревны. Тогда и было введено правило, по которому трон мог занимать любой представитель династии, в том числе и представительница слабого пола. Для этого требовалось только одно — персона должна была быть назначена правящим монархом. В Европе система, при которой право на престол распространялось на женщин, существовала в Англии, Дании, Нидерландах. Закон Петра I при решении вопроса о наследнике был подтвержден Анной Иоанновной ссылкой на него в Манифесте от 17 декабря 1731 г. о присяге наследнику престола. Как законное основание передачи власти, император Петр III упоминал назначение его наследником императрицей Елизаветой Петровной в своем Манифесте от 25 декабря 1761 г. о восшествии на престол. В форме клятвенного обещания от того же числа Петр III указывал на присягу по его высочайшей воле «избираемым и определяемым наследникам»¹³.

Впрочем, в эпоху дворцовых переворотов петровским законом не раз пренебрегали. Так, все правила нарушила, заняв трон, Екатерина Великая. Насильственно отстранив от престола законного императора-мужа Петра III, первоначально она выступала перед русским обществом как императрица, объявившая наследником своего малолетнего сына Павла Петровича. Однако, когда нелюбимый отпрыск вырос, трон ему передан не был. Сделать это в определенной мере позволял именно петровский закон, допускавший пребывание на престоле любого члена фамилии, в том числе женщины. Ущемленный в правах, униженный матерью цесаревич, именуемый за границей русским Гамлетом, вероятно, не раз обдумывал свое незавидное положение. Мысленно обра-

щаясь к законодательным нормам, существовавшим в Европе и в старом русском законодательстве, он составил, скрепил печатями и вместе с великой княгиней 4 января 1788 г. подписал некий акт о назначении наследника и принципах дальнейшего наследования престола. Этот плод умственных штудий цесаревича был создан при его отъезде в армию как завещание и по содержанию шел вразрез с законом Петра Великого. При действовавшей монархии документ, разумеется, не имел силы. Но при вступлении на престол Павел превратил свои законодательные мечты в реальность¹⁴.

5 апреля 1797 г. во время церемонии коронации императора при собрании всего русского общества в Успенском соборе Московского Кремля по указанию императора Павла I был зачитан новый «Акт о престолонаследии». Момент и форма его обнародования были выбраны изощренно точно и имели особый символический смысл. Законодательный документ был зачитан в присутствии всех высших государственных чинов и представителей регионов России и после этого демонстративно помещен в алтарь главного храма страны — Успенского собора. Став частью коронационных торжеств, акт получил особую сакральность и, судя по мемуарам современников, хорошо запомнился присутствовавшим на церемонии¹⁵.

Акт о престолонаследии, датированный 5 апреля 1797 г., декларировался как общий императора и императрицы Марии Федоровны и принятый их «добровольным и взаимным согласием». То есть не перечившая супругу Мария Федоровна отказывалась от самостоятельного пребывания на престоле и возможности следовать путем Екатерины II, занявшей трон после низложенного ею супруга.

Содержание Акта Павла I было основано также на принятых в Европе нормах, но не на французской (салический закон, при котором престол наследуют члены династии по нисходящей мужской линии) или английской (распространяла право первородства на женщин), а на австрийской системе наследования. Именуемая полусалической, она если и допускала на престол дам, то только после пресечения мужского потомства. В силу этого документ Павла сводился к нескольким положениям.

Во-первых, «по любви к отечеству» и «по праву естественному» император объявлял в документе об избрании наследником «большого» сына Александра. Далее он декларировал назначение наследниками лиц мужского рода по первородству, то есть сначала «мужское поколение» старшего сына Александра, в случае его пресечения — следующего сына Константина и т. д., а затем по старшинству сыновей царствующего

наследника. Женщины также могли занять престол, но только при отсутствии в роду мужчин. В этом случае трон переходил к ближайшей родственнице последнего царствующего представителя рода. Акт прямо подчеркивал, что при определении наследника «мужское лицо предпочитается женскому» (меньшой брат наследует прежде старших сестер) и переход всегда делается от старшего к младшему (и от старшей к младшей). Эти ключевые правила передачи трона Павел подкрепил объяснением причин их выбора: «Дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного и избежав затруднений при переходе из рода в род».

Дополнением к перечисленным положениям стали правила занятия русского престола дамой замужней или занимающей какой-либо заграничный престол. Они делали обязательным отречение этой особы и ее наследника от чужого престола и принятие ими православия, так как российский государь являлся и главой церкви. Если же отречение от прежней веры произведено не будет, то трон переходил к следующему лицу, которое «ближе по порядку».

При выходе замуж императрицы ее супруг не становился российским государем, получая преимущества и почести, равные супругам государей (кроме титула). Женитьба в высочайшем семействе без позволения императора не признавалась законной.

Подробнейшим образом в Акте прописывалась близкая самому Павлу ситуация с малолетним наследником и возрастом его совершеннолетия. Для порядка и безопасности государства предусматривалось учреждение правительства и опеки (из числа родственников, кроме отчима и мачехи, особ вдовствующих, вступающих в брак и безумных). В 16 лет наследник становился совершеннолетним и вступал в свои права. При правителе с этого времени должен был быть совет из шести лиц первых двух классов, которые назначались по выбору правителя. Остальным членам фамилии устанавливался более высокий 20-летний возраст совершеннолетия. Завершался документ сентенцией о «сильнейшей» любви к отечеству, детям и потомкам.

Положения Акта, объяснявшие многочисленные варианты наследования трона, показывают, что они были плодом долгих раздумий и сложных чувств Павла-наследника, не допущенного матерью до престола в молодые годы. Ссылка же на нарушение «естественного права» могла отражать ситуацию, когда мать-императрица решила обойти собственного сына в наследовании трона, передав его внуку Александру.

Учитывал Акт и коллизии борьбы за престол уходящего XVIII в., и особенности его женских правлений. В этом плане законодательный акт был своеобразной мстью покойной Екатерине Великой. Во многих его статьях красноречиво указывалось, что женщинам не место на троне и только при полном отсутствии в роду мужчин августейшие дамы могут быть допущены до власти. Учитывал монарх и необходимость упредить грядущие раздоры среди своих многочисленных детей — трех сыновей и пяти дочерей, которые вполне могли уподобиться своим предшественникам. Наконец, важным положением Акта было подтверждение обязательности пребывания в православии лица, занимавшего русский трон.

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ. В тот же день, 5 апреля, Павел утвердил второй законодательный акт, обнародованный четыре месяца спустя, — Учреждение об императорской фамилии (учреждение — положение, закон. — *Авт.*), которое включало положения о новом дворцовом подразделении — Департаменте уделов и его штате и устанавливало новые многочисленные нормы о положении венценосной фамилии¹⁶. Под актом стояла подпись — Павел, а по листам документ был заверен подписью «граф Александр Безбородко», что, вероятно, указывало на его авторство. Несмотря на явно личностный подтекст, подтвержденные Павлом I Акт о престолонаследии и Учреждение об императорской фамилии оказались удивительно сбалансированными и «правильными», в силу чего действовали вплоть до новой редакции Учреждения при Александре III в 1886 г.¹⁷, а в большинстве положений и до конца монархической истории России, до 1917 г.

Опубликованное в августе 1797 г. в виде брошюры из 98 страниц Учреждение об императорской фамилии имело оглавление и 8 отделений, в которых были выделены 208 параграфов. В этом нормативном акте было соединено несоединимое. После краткого введения с фразой о долге Павла учредить для благоденствия государства все относящееся до императорской фамилии документы открыли и завершили главы-отделения об уделах и новом удельном ведомстве с подробнейшим описанием его структур, и в дополнение к ним были присоединены подтвержденные штаты Департамента уделов и удельной экспедиции. Таким образом, собственно законодательство о статусе каждого из Романовых, их геральдическом сопровождении и обеспечении — отделения 2, 3, 4 и 5-е, имевшие самостоятельный характер, удивительным образом оказались помещены между отделениями об удельном хозяйстве.

Начиналось рассмотрение Учреждение об императорской фамилии с описания во 2-м отделении нового четкого порядка счета родства детей от правящего государя. Среди высочайших отпрысков выделялись «первороденный», то есть старший сын императора, «младшие», то есть все остальные его дети, и далее — «младшие поколения». Все сыновья и их дети после рождения получали титул и пенсию по степени родства с императором.

Установленному делению соответствовало именование высочайших особ, делившихся на две категории — наследники и сыновья императора. Право на занятие престола имели старший сын и все «старшие старшего поколения», то есть происходящие от наследника сыновья по их старшинству (старший сын, затем старший сын старшего сына и так далее). Эти особы считались наследниками престола и назывались «государевы дети». Братья старшего сына-наследника являлись просто «сыновьями монарха» и «не смешивались» (не меняли своего статуса) с лицами такой же степени родства при последующих правящих императорах; соответственно, их материальное содержание также не менялось.

Далее в Учреждении пояснялось, что, по указанным положениям, в отличие от старшего Александра, второй сын Константин получал титул только сына императора, а его дети — имя внучат императора без различия старшего и младших. Далее все поколения Константина считались по родству с его отцом-императором. Александр, старший сын императора Павла I, почитался наследником и имел соответствующее содержание, его старший сын также должен будет считаться наследником и наследовать преимущества отца. Второй сын и прочие сыновья Александра, то есть внучата правящего монарха Павла I, станут равны сыну Константину. И так далее.

Женские особы, родившиеся от мужчин дома Романовых, в титулах, пенсиях и приданом будут подчиняться предписаниям мужского пола и считаться дочерьми императора, внучками и т. д. От них будут «совершенно отличаться» дети, родившиеся от женщин дома Романовых (от дочерей императора, внучек и т. д.). Они не будут вести счета родства с русским императором, а будут пользоваться правами только по родству со своими отцами (европейскими князьями, королевскими высочествами и т. п.). Эти родственники Романовых не будут иметь права ничего требовать от Русского государства (от его казны) и Департамента уделов.

Для устранения возможных неясностей в родственных связях по Учреждению император должен вести родословную своей фамилии, внося в нее новорожденных и отмечая умерших родственников. Сведения этого документа должны были исключить «несогласия или

заблуждения» относительно возраста и преимущества или «замешательства» между поколениями Романовых.

В нескольких параграфах Учреждение описывало права главы дома, которому полагалось от своего семейства «совершенное почтение, послушание и подданство и который сам имел «попечение» над всеми, конфирмовал духовные (завещания), давал согласие на браки и в случае смерти родственников опекал их наследников.

Учреждение четко установило возраст совершеннолетия лиц правящего дома, которое наступало в 20 лет или ранее при заключении брака, тем самым повысив его относительно нормы допетровской, когда старший царевич становился «объявленным» царевичем-наследником в 15 лет. Как правящее лицо Павел назначал несовершеннолетним Романовым опекунов (до совершеннолетия), а затем с 20 до 25 лет попечителя. Только в совете с последним взрослые высочайшие особы могли управлять своими имениями, продавать и закладывать их. Совершеннолетие, как устанавливал документ, объявлялось торжественно, после чего следовала присяга в верности «царствующему», отечеству и... соблюдению «фамильного распорядка». Текст присяги подписывался и отправлялся на хранение в Государственный архив.

3-е отделение Учреждения было посвящено знаковому геральдическому сопровождению членов правящего дома, их титулам, местам в церемониях, гербам и «либерее». При этом титулы императора и императрицы были государственным установлением, поэтому в Учреждении уточнялись титулы только других членов императорской фамилии, которые были трех видов.

Первый титул принадлежал объявленному наследнику престола и выглядел следующим образом: «наследник, цесаревич, великий князь и императорское высочество». Иметь наименования «наследник» и «цесаревич» было исключительным правом только одного лица, назначенного к наследованию престола. Ранее введенный при Петре I титул цесаревича/цесаревны относился ко всем детям императора и был присвоен всем дочерям монарха (сыновей в это время у Петра I не было)¹⁸. В дальнейшем титул жаловался наследнику, который был единственным представителем следующего поколения (сначала великий князь Петр Федорович, а затем великий князь Павел Петрович). Второй титул — «великий князь и императорское высочество» — присваивался остальным сыновьям, дочерям, внукам (внучкам), правнукам (правнучкам), праправнукам (праправнучкам). Третий — «высочество» и «князь и княжна императорской крови», то есть без определения «великий(ая)», но с добавлением «императорской крови», — принадлежал

потомкам императора, начиная с детей праправнуков. Что касается потомков от женского пола Романовых, то они, по Учреждению, могли носить только титулы своих отцов (то есть иностранных принцев, князей и других титулованных лиц, за которых выходили замуж представительницы дома Романовых).

Как на практике выглядело законодательство о титулах в павловское время? Титул цесаревича, великого князя и его высочества еще в ноябре 1796 г. был присвоен старшему сыну и наследнику Александру Павловичу. Константин Павлович, который рос с ним вместе и с детства пользовался теми же благами и почетом, что и Александр, получил только титул его высочества великого князя. Тот же титул был присвоен маленькому Николаю Павловичу, а затем и Михаилу Павловичу.

Однако в 1799 г. Павел I, в нарушение своего же установления, специальным манифестом даровал Константину второй титул цесаревича (не присваивая определение — «наследник»). Основанием пожалования в манифесте от 28 октября 1799 г. объявлялись показанные Константином «подвиги храбрости и примерного мужества во все продолжение нынешней кампании против врагов царств и веры», то есть во время Итальянского похода 1799 г. Примечательно, что в этом указе, помимо обычного клишированного оборота «любезнейший сын наш», присутствовала сентенция, выражавшая личные чувства Павла. Указ начинался словами: «Видя с сердечным наслаждением, яко государь и отец, каковы подвиги храбрости...» и т. д.¹⁹

Что касается императорских дочерей, то здесь выдерживались положения Учреждения об императорской фамилии, к которым следует добавить, что при выходе замуж специальными указами им оставлялись русские титулы «государынь великих княгинь». Вероятно, этим демонстрировалось продолжение их связи с русским императорским домом при отбытии за границу. Так, в 1799 г., когда старшие Александра и Елена Павловны вступили в брак, по указу от 25 октября они получили право именоваться «ее императорское высочество государыня великая княгиня Александра Павловна, эрцгерцогиня Австрийская» и «ее императорское высочество великая княгиня Елена Павловна, наследная принцесса Мекленбург-Шверинская»²⁰.

Данная практика, продолжавшая обычаи русского двора XVIII в. (русские титулы сохранили царевны Анна и Екатерина Иоанновны, цесаревна Анна Петровна), шла вразрез с распространенным в Европе обычаем потери дамами старых родовых титулов при выходе замуж. Поэтому европейские принцессы, становившиеся русскими великими княгинями, теряли свои прежние родовые титулы.

После рассмотрения вопроса о титулах в 3-м отделении Учреждения в документе были сформулированы положения о месте высоких особ в придворных церемониях. Павел постановил, что в церемониях после императора и императрицы лица с титулами российского императорского дома должны занимать места по своему старшинству «в родах», равно как супруги русских великих княжон и княжон крови — по своим титулам. При этом королевский наследник шел после русского императорского наследника (цесаревича), а имеющий титул королевского высочества равнялся с императорскими высочествами (великими князьями), принцы с титулом светлости — с князьями императорской крови. Великие княжны, независимо от титулов мужей, занимали места по праву рождения, и только княжны крови, если были замужем за королевскими высочествами, поднимались до императорских высочеств.

Чужестранные принцы (не родственники Романовых) при русском дворе занимали места по своим степеням или по чинам русской службы. Дети от женского пола императорского дома занимали места, соответствующие статусу их отцов.

Данные положения, которые при русском дворе в правление Павла I неукоснительно выдерживались при многочисленных торжествах, застольях и выходах, требуют комментария. Очевидно, указывая, что «королевский наследник шел после русского императорского наследника», Павел закреплял первенство членов императорской фамилии перед фамилиями королевскими (хотя далее устанавливал равенство между имеющими титул королевского высочества и титул императорского высочества и т. д.). Таким образом, он законодательно зафиксировал первенство в церемониях русского императорского двора перед королевскими и впервые отбросил многочисленные заверения Петербурга о равенстве в церемониях русско-императорского и королевских домов Европы, которые давались европейским дворам в начале XVIII в. в ходе длительной дипломатической кампании за признание императорского титула русских монархов. Вероятно, в конце века это было совершенно не важно, и верховенство получил общепризнанный взгляд на то, что империя по статусу выше королевства.

Следующая часть 3-го отделения Учреждения об императорской фамилии была посвящена вопросам гербов и ливрее, цвета и форма которой всегда фиксировали статус хозяина ливрейных служителей. Касалась она также не особ императора и императрицы, геральдическое сопровождение которых определяло общее государственное законодательство, а только других членов фамилии.

По Учреждению императорский герб наследовал только наследник престола и императорские высочества. Начиная с четвертого поколения (детей праправнуков императора) члены императорского дома с титулами князей и княжон крови не имели права использовать «знак московского герба». Особы, вышедшие за иностранных принцев, присоединяли свой герб к гербу мужей, чем пользовались и их потомки.

Ливрея лиц двора наследника была той же, что и у большого императорского двора (традиционно при русском дворе в ливрее доминировали зеленый и красный цвета). Ливрея дворов императорских высочеств (сыновья и дочери монарха, его внуки и внучки, правнуки и правнучки) устанавливалась с тем же «басоном» и цветами, но имела «отмену» трех родов: в ливрее официантов (чины двора, возглавлявшие подразделения-должности Придворной конторы) вместо красного был светло-синий цвет сукна, в ливрее служителей вместо красных обшлагов — зеленые, в мундирах нижних чинов вместо зеленых обшлагов — черные. Князья и княжны крови, вышедшие за принцев чужеземных, могли пользоваться ливрейными цветами по своему рождению, но вышедшие за королевских наследников имели ливрею своих мужей, а рожденные от великих княжон и княжон крови — ливрею отцовскую.

Комментируя вопрос с ливреей, следует отметить, что ливрея большого и малых дворов была подробно определена Павлом в подтвержденных им штатах двора от 30 декабря 1796 г. Поэтому введение положений о внешнем виде ливреи в Учреждение об императорской фамилии только в более краткой форме подтверждало уже установленные нормы. В дальнейшем же сам Павел свободно вносил уточнения в положения о ливрее и большого, и малых дворов. Относительно малых он, например, в январе 1799 г. отдал указ делать ливрею служителям штата Елены Павловны «как большому двору, только басона и галуна серебряного вместо золотого с серебром» и такое же платье «с отличием только обшлагов вместо красных из черного бархату» шить комнате Марии Павловны²¹. В сентябре 1800 г. установил ввести со следующего года новую форму на половины их высочеств Николая, Михаила и Анны Павловны, подробно расписав отличия каждого из дворов для официантов и ливрейных служителей²² и т. д. В общем, устойчивым вид ливреи при Павле I не был.

Наконец, последнее церемониальное правило 3-го отделения Учреждения касалось положения вдовствующих императриц. Оно устанавливало, что вдовствующие особы дома Романовых сохраняли свое право на титул, место в церемониях и ливрею мужей и что при этом вдова императора должна была иметь преимущество (председатель-

ство, первое место) перед супругой царствующего императора. В дальнейшем, при Александре I, это правило строго соблюдалось относительно вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая имела церемониальное первенство перед императрицей-супругой Елизаветой Алексеевной.

Значительная часть законодательного документа — 1-е, 4-е и 5-е отделения — была посвящена материальному обеспечению императорской фамилии.

В 1-м отделении устанавливалось наделение каждого Романова собственным имением-уделом и подробно расписывалось, из каких земель оно формировалось, на каких правовых основаниях действовало и как управлялось. Оговаривалось в нем и выделение для организации Департамента уделов миллионов сумм из госказны и др.

4-е отделение было посвящено имениям и денежным выдачам, которыми могли пользоваться члены фамилии, в том числе перешедшим к ним по наследству.

Мужскому полу было положено до совершеннолетия денежное жалованье, после совершеннолетия — денежное содержание или уделы. Женскому — до замужества денежное содержание и при выходе замуж приданое. Вдовам великих князей и князей крови — денежный пансион, полный в России и треть при проживании за границей. Что касается назначенных пенсий, то наследственными они не являлись.

Удельные имения, назначенные Романовым, могли передаваться по наследству, но продавать и обменивать их было запрещено. После пресечения поколения они возвращались в общую «удельную массу». Все Романовы имели право на собственные деньги покупать недвижимые имения и распоряжаться ими по своему усмотрению, в том числе завещать по наследству. Имения этого рода подлежали общегосударственным законам и судам.

Несколько положений касалось имущества иностранных родственников Романовых с ограничением их прав и исключением привилегий. Так, чужестранным принцам, мужьям великих княжон и княжон крови во время пребывания в России позволялось покупать имения, но при выезде из страны они должны были их продать, получив себе капитал. То же относилось и к чужестранным вдовам великих князей, пожелавшим выехать за границу. При этом принадлежавшие им наследственные земли возвращались в род (ветвь фамилии), от которого были получены, или же продавались в удельное ведомство. Следить — иметь попечение — за всем этим было поручено новому Департаменту уделов.

При вывозе за границу капитала иностранные родственники на общем основании были обязаны заплатить в казну положенные 10% (указ от 1 декабря 1755 г.). Размер капитала, кроме алмазов и прочих вещей, был ограничен суммой в 1 млн руб. Деньги сверх этой суммы возвращались в род, если он был, а если нет, то передавались в Департамент уделов.

Так же поступали с имениями членов фамилии, которые без разрешения императора отлучились за границу или остались там. Наследство в виде имения лица, живущего за границей, оставалось в роду или в департаменте, но с него бывшему владельцу выплачивались деньги.

Давать недвижимое имущество в приданое было запрещено. Поэтому приданое княжон составляли только деньги, выдаваемые из государственных доходов, а также вещи, платья и прочее, получаемые от отца. Кроме приданого, великая княжна или княжна крови ничего не имела права требовать. Однако за ней оставлялось право получения наследства матери и отца.

Наблюдать за материальной стороной династических браков было поручено министру уделов и канцлеру иностранных дел. При этом вводились правила обращения с приданным и доходами на случаи смерти великой княжны, ее вдовства и пр.

Особым долгом было обеспечение жен и вдов русских великих князей содержанием и пенсионом, правами на часть имений мужа, а при выезде последних за границу — на часть содержания в денежном эквиваленте.

Таким образом, в Учреждении Павел гарантировал приличное содержание каждому из членов фамилии, в том числе и еще отсутствующим в высочайшей семье (в 1797 г. налицо имелись только правящая чета и ее дети с женами сыновей; внуков и правнуков с их потомством, как и вдовствующих особ, еще не было). В обмен на материальные блага Павел требовал, и это оговаривалось в Учреждении, чтобы члены его фамилии оказывали ему «почтение, повиновение и подданство, равномерное и миролюбивое обращение в сохранении семейной тишины и согласия». В противном случае император оставлял за собой право «отрешать» родственников от назначенного содержания и поступать с ними как с лицами, не повинующимися его воле.

5-е отделение точно прописывало размеры государственного и удельного содержания и наград лиц императорской крови. Выплаты из государственной казны назначались императрице, старшему сыну — наследнику (с совершеннолетия), далее его старшему сыну

и их женам или вдовам. Из казначейства выделялось и приданое великим княжнам и княжнам крови, правнучкам, праправнучкам и происходящим от них.

Размер содержания соответствовал счету родства и составлял суммы от 600 тысяч и трат на двор для императрицы (на практике императрица получала по 1 млн руб., что объяснялось особым установлением императора в благодарность на согласие за «тишину, спокойствие и блаженство» государства) и до 50 тыс. руб. детям наследника. Приданое дочерям императора было определено в огромную для той эпохи сумму в 1 млн руб., княжнам крови было положено до 100 тыс. рублей. Выплаты с уделов назначались остальным членам фамилии, то есть великим князьям с женами и их детям, а также великим княжнам и княжнам крови. Взрослым сыновьям было положено по 500 тысяч, малолетним правнукам — до 30 тыс. руб. в год. Все указанные суммы были значительны и четко выстраивали иерархию внутри высочайшей фамилии.

Помимо указанных отделений, регулировавших властную, материальную и символическую стороны жизни дома Романовых, Учреждение об императорской фамилии включало отделения, касавшиеся организации Удельного ведомства.

Таким образом, документ выстраивал иерархию членов дома Романовых относительно правящего монарха и устанавливал само определение члена императорского дома — лица императорской крови, родившегося в дозволенном императором браке с лицом соответствующего происхождения. По существующей практике, это лицо должно было принадлежать к кругу коронованных семей Европы (интересно, что по этому постановлению императрица Екатерина I и императрица Елизавета Петровна не могли иметь никаких прав на российский престол и просто быть членами императорской фамилии, как и внук «низкопородной» бабушки Петр III и сам ее правнук Павел I).

Учреждение также законодательно вводило деление на лиц императорского дома, по первородству имеющих право на престол и по отдаленности первородства прав не имеющих. Устанавливались наименования: государевы дети (наследники престола), государевы сыновья (младшие сыновья императора и младшие сыновья старших поколений), императорские дочери, внуки (женского пола) и др.

Лица, родившиеся от женского пола, не вели счета в родстве с российским императором и не пользовались титулами, пенсионами и вообще правом получать что-либо от Главного управления уделов и пр. Все это им определялось по их отцу (то есть иностранному принцу).

Никакими преимуществами членов дома Романовых не пользовались и лица, рожденные в браках, заключенных без соизволения императора.

Определяя положение и права каждого члена царствующего дома, документ указывал средства на их содержание, зависящие от дальности родства с правящим монархом. При этом были установлены определенные неменяемые денежные суммы для каждого из Романовых, указаны их источники — или Государственное казначейство (государственная казна), или доходы с уделов.

Учреждая все, что «до фамилии нашей принадлежит», император, по его мнению, согласовывал это с «положением Империи и с правом Естества».

НОВШЕСТВА ТИТУЛАТУРЫ И ГЕРАЛЬДИКИ ДОМА РОМАНОВЫХ. Склонность к символическому мышлению проявлялась у Павла Петровича во внешнем оформлении собственного статуса и статуса своей фамилии, что подогревалась особым интересом к вопросам государственной символики.

После принятия 12 декабря 1796 г. титулов монарха и членов дома²³ и обнародования в 1797 г. Учреждения об императорской фамилии в последующие годы в вопросах государственной символики стабильности не было. В связи с избранием Павла I в великие магистры Мальтийского ордена, что произошло 29 ноября 1798 г., в государственную символику России был введен ряд новшеств.

16 декабря 1798 г. был опубликован манифест о восприятии его величеством звания великого магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского, имевший геральдические последствия. В манифесте указывалось, что о принятии звания следует делать объявление по всей империи и «оное внести, где приличествует, в титулы наши». 22 декабря последовал указ о включении в императорский титул слов: «и великий магистр ордена Св. Иоанна Иерусалимского»²⁴. По нему следовало, напечатать титул вновь, разослать во все присутственные места и губернские правления при указах, а в Святейший синод и в московские департаменты Сената сообщить при ведениях.

23 февраля 1799 г. в дополнение к этому сенатским указом вследствие указа именного в титул было помещено определение «державный»²⁵.

В итоге российско-мальтийский титул его величества имел следующий вид: «Божию поспешествующиею милостию Мы, Павел Первый, император и самодержец Всероссийский: Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский,

царь Сибирский, царь Херсонеса-Таврического, государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский и Подольский, Князь Эстлянский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогичский, Корельский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; государь и великий князь Нова-города, Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель и Государь Иверския земли: карталинских и грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и горских князей и иных наследный государь и обладатель; наследник Норвежский, герцог Шлезвиг-Гольштинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, государь Еверский и великий магистр Державного ордена Св. Иоанна Иерусалимского, и прочая, и прочая, и прочая».

Кроме титула особый интерес Павел I проявлял и к институту герба, используя его для укрепления престижа императорской власти. Положив начало кодификации в России дворянских гербов, что выразилось в составлении «Общего дворянских родов гербовника»²⁶, император предпринял ряд шагов по обновлению главного визуального символа России.

После принятия звания великого гроссмейстера Мальтийского ордена именованным указом от 19 августа 1799 г. по приложенному рисунку было велено заменить старые гербы на новые во всех присутственных местах²⁷. Рисунок нового герба гравировал в Академии художеств Н. И. Уткин. На нем на груди двуглавого орла изображался белый восьмиконечный мальтийский крест под короной, на котором помещался щиток со св. Георгием Победоносцем. Через девять дней вышел указ о помещении нового утвержденного герба на государственные печати, которые следовало соответствующим образом переделать.

В 1800 г. Павел подписывает манифест «О полном государственном гербе Всероссийской империи». Оригинальный акт об обновленном гербе был написан на 20 листах пергамента, к которым приложил руку и император. На четырех был написан текст манифеста, на пятом — дано изображение государственного герба, а далее шло подробное разъяснение всех его частей. Павловский герб отличался нагромождением атрибутов, пышностью, многочисленными заимствованиями элементов западноевропейской геральдики. К манифесту была приложена печать с изображением нового герба.

Законодательный акт с рисунком герба хранился в особом ковчеге в зале присутствия департамента герольдии Сената. Из-за смерти императора он не был опубликован и остался мало кому известен²⁸.

Глава II. Образ жизни императорского дома

Павел и дворцовое пространство

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ. Вступив на престол, Павел начал активно менять свое дворцовое окружение, порядки жизни императорских резиденций и сами дворцы. Особый стиль жизни Павла I и его увлечение символикой и иерархией наложили яркий отпечаток на оформление пространства жизни двора. Касались они и императорских дворцов, где жила высочайшая фамилия и собиралось придворное общество, и городского окружения резиденций. Пространство столиц также было призвано оформлять жизнь правящего дома, тем более что присутствие в нем монарха было ежедневным. Кроме учений и иных мероприятий около самого дворца один или два раза в сутки Павел совершал поездки, наблюдая при этом за жизнью своей столицы.

Неповторимые павловские черты Петербурга ярко выразились в тех особенностях городского быта, которые являлись его символами. Уже 9 ноября 1796 г. высочайшим указом обер-коменданту Чернышову было запрещено производить из Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости утренние и вечерние выстрелы и было повелено поднимать флаг во время присутствия императора в столице, который бы сиюминутно показывал горожанам, что император находится в Петербурге¹. Впрочем, это не исключало по особым поводам выставление императорского штандарта на Петропавловской крепости. По высочайшему приказу это было сделано в половине 6-го утра в день рождения Михаила Павловича в январе 1798 г. одновременно с 201 пушечным выстрелом Петропавловской крепости и Адмиралтейства².

Со временем в городе появился и второй символ такого же рода. После того как в ноябре 1798 г. Павел стал мальтийским гроссмейстером, манифестом от 16 декабря он определил местопребывание

ордена Св. Иоанна в своей невской резиденции³. В силу этого она стала столицей не только Всероссийской империи, но и ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Внешне это выразилось в том, что над Адмиралтейской крепостью высочайшим указом стали поднимать штандарт с восьмиконечным мальтийским крестом («флаг Иоанна Иерусалимского»). Первое явление флага народу состоялось 1 января 1799 г. после утреннего вахтпарада и сопровождалось отданием чести церемониальным 31 пушечным выстрелом с крепости⁴. Таким образом, почти два года над городом реяли два флага — российский и мальтийский. При переезде Павла в его главную резиденцию в Гатчине флаг ордена Св. Иоанна также с учинением пушечных выстрелов с батареи поднимался на башне Гатчинского дворца⁵.

Следствием принятия звания гроссмейстера Мальтийского ордена помимо флага было и то, что над «большими средними воротами» Зимнего дворца в 1799 г. был заменен резной российский герб. Новый, выполненный с раскрашиванием и позолотой, включал мальтийский крест, и сам герб именовался «гербом Св. Иоанна Иерусалимского»⁶.

В свое правление Павел также завел обычай церемониального открытия судоходства на Неве, существовавший при его прадеде Петре Великом. Указ об этом вышел в апреле 1798 г.⁷ В 1799 г. открытие плавания происходило 8 апреля. В этот день комендант Санкт-Петербургской крепости на шлюпке «проезжал по оной с произведением с крепости и шлюпки приличного числа выстрелов». Император, с утра работавший в своем кабинете, наблюдал за церемонией из Эрмитажа. В 1800 г. 12 апреля Павел вместе с цесаревичем и обер-шталмейстером Кутайсовым смотрел открытие Невы с набережной во время прогулки верхом. По реке шествовала вереница шлюпок во главе с комендантом Санкт-Петербургской крепости, и производился и с них самих и из крепости пушечный салют⁸.

Яркой приметой павловского Петербурга стало появление при Зимнем дворце знаменитого желтого ящика (по другому описанию, окна одной из комнат первого этажа под коридором). В него любой подданный мог бросить прошение на высочайшее имя о милости или донос на чиновника, казнокрада и лихоимца. И это помимо донесений, отправляемых по почте. Ключ от комнаты, где находился ящик (окно), имел только Павел, сам по утрам забиравший прошения⁹. Впрочем, вскоре ящик пришлось отменить, так как ретивые подданные бросали в него не только прошения, но и «непристойные... мнения и карикатуры» на самого императора. Да и Павел со временем поостыл к просителям, о которых первоначально говорил, что они «все суть мои подданные;

все они мне равны, и всем я равно государь...»¹⁰. Указом от 6 мая 1799 г. было запрещено подавать «недельные просьбы» и, более того, повелено за них наказывать¹¹. К таким «недельным» обращениям относились, например, челобитные дворовых людей на своих господ. Как отмечал один из современников, государь «поступком сим приобрел себе всеобщую похвалу и благодарность всего дворянства»¹².

Сразу с ноября 1796 г. в городе стал меняться облик площадей и улиц. Они приняли полицейский и военизированный вид. Около Зимнего и других императорских дворцов появились, как обязательные атрибуты, военные плацы. Для учений в холодное время года в помещениях рядом были построены экзерциргаузы (вопреки распространенной точке зрения, что учения проходили на улице и в лютый холод). Кстати, для традиционных праздничных церемоний войска в мороз также в парад не выставлялись. У дворцов, ставших военными резиденциями, устанавливались пушки. К воротам Зимнего дворца они были привезены и поставлены вступившими в город гатчинскими войсками 10 ноября 1796 г.¹³

Вскоре на улицах на прусский манер появились окрашенные в черно-белые полосы будки для часовых-полицейских. Новый вид принял въезд в город. На окраинах Петербурга Павлом были организованы заставы¹⁴. Они помогали взять под строгий контроль приезд и отъезд из столицы дворянства, которое бежало из-под надзора неврастеничного императора в свои имения и за границу. В силу этого отъезд — и не только за границу, но и из Петербурга — вновь стал несвободным, как в первые десятилетия существования града Петрова. Для выезда теперь требовалось специальное разрешение, предъявляемое на заставах. Указом от 10 июня 1797 г. лично Павлу должны были сообщать о всех состоящих в службе лицах, которые просили увольнения в отпуск¹⁵. Не случайно практикой двора стали представления Павлу отъезжающих (очередной повод попасться на глаза вспыльчивому грозному императору), а также прибывших в Петербург. Записи об этом имеются в камер-фурьерских журналах.

В духе павловских новшеств в марте 1797 г., когда двор был на коронации в Москве, был издан указ о раскраске дверей и оконных рам частных домов в полоску. Инициатором был генерал-губернатор Н. П. Архаров. Однако Павлом эта мера, вызвавшая резкое недовольство жителей столицы, поддержана не была и стала одной из причин отставки чиновника¹⁶.

Павел самым грубым образом вторгался в жизнь подданных не только на улицах столицы, предписывая горожанам «правильный»

распорядок дня в их собственных домах. После пробития вечерней зари все огни в частных домах должны были быть погашены, трактиры заперты. Азартные игры были запрещены, о домашних балах и вечерних семейных собраниях следовало предварительно давать знать полиции. Современники писали, что благодаря этому «переменился в Петербурге совсем род жизни, и день сделался опять днем, а ночь — ночью»¹⁷.

Приметой павловского Петербурга стали ежедневные прогулки по городу императора. Ездил Павел верхом или в коляске, а зимой в санях в сопровождении 1–2 человек, как правило, кого-либо из великих князей и приближенного лица, например, обер-шталмейстера или генерал-адъютанта. Прогулки императора стали для петербуржцев настоящим наказанием. Встречи с Павлом были «тогда для всех предметом страха». Так, один мемуарист, спрятавшийся от императора за забором строящегося Исаакиевского собора, услышал от сторожа определение Павла — «наш Пугач»¹⁸. Смысл его состоял в том, что прогулки императора являлись формой строгого надзора за поведением подданных с немедленной карой ослушавшихся. «В крепости, — сообщал современник, — не переводились многочисленные жертвы, а порою вся их вина сводилась к слишком длинным волосам или слишком короткому кафтану... Достаточно было императору где-нибудь на улице заприметить жилет, и тотчас же его злосчастный обладатель попадал на гауптвахту. Случалось туда попадать и дамам, если они при встречах с Павлом не высказывали достаточно стремительно из экипажа или не делали достаточно глубокого реверанса... благодаря этому улицы Петербурга совершенно пустели в час обычной прогулки государя». Упоминание глубоких поклонов случайностью не было. По установленному Павлом правилу, подданные теперь были обязаны снимать шляпу перед Зимним дворцом. При появлении самого монарха или его кареты кучеры, лакеи и фореиторы должны были снимать шляпы, и все, кавалеры и дамы, при любой погоде и состоянии дороги, выходя из экипажей и снимая шапки, — кланяться и делать «с трепетом глубокий реверанс», несмотря на глубокий снег и оттепель, проще — хоть посреди грязи и луж. Казусы этих поклонов и нервная реакция императора хорошо описаны очевидцами в мемуарах¹⁹. Необходимость при встрече с государем на улице, а это случалось постоянно, останавливать экипаж и выходить из него оценивалась как невозможность «дышать свободно от многочисленных правил этикета и ложных знаков почтения»²⁰. Помнил о встрече ребенком с императором Павлом I и А. С. Пушкин. В одном из писем поэт писал: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал;